

Бессознательно он снова отхлебнул из фляжки.

Вкус бренди вызвал у него в памяти дочь, вошедшую с яркого солнечного света в хижину, — ее хитрое, насупленное, недетское лицо. Он сказал:

— О Господи, помоги ей. Я заслужил твое проклятие, но она пусть живет вечно.

Грэм Грин, «Сила и слава»¹

---

¹ Перевод Н.А. Волжиной.

Прелюдия 1

— Зачем... вы... это делаете?

Он поднял глаза и взгляделся в неподвижный силуэт. Может, привиделось? В горах часто случаются галлюцинации. От лихорадки ли, обезвоживания, от высотного отека мозга... или от переохлаждения, — но его била дрожь.

Альпинисты и любители горных походов часто рассказывали о призрачных фигурах, какое-то время шедших рядом с ними. Такая фигура маячила сейчас у него перед глазами. Вот только ведро ледяной воды, которое он получил прямо в физиономию, явно не имело ничего общего ни с призраками, ни с бредом.

От холода захватило дух. Дыхание зачастило, сердце забилось быстрее. Он понял, в чем дело: если дрожит — значит, все в порядке, классические симптомы легкого переохлаждения.

Тело тут же включило механизм защиты: сосуды сузились и на уровне конечностей сильно сжались, позволяя крови достигнуть жизненно важных органов: сердца и легких. Вот почему он не чувствовал ни рук, ни ног.

Он повернул голову и увидел крутые обрывы вокруг маленького горного озера, накрытого плотным слоем льда, и остроконечные скалы, глядевшие прямо в серое небо... И ощутил тысячелетнее безразличие хмурой горы, которая не открывала взгляду ничего, кроме

омерзительного образа его собственной смерти. *А он умирал.* Ни малейшего сомнения. Легкое переохлаждение перейдет в умеренное, потом в серьезное, и наконец — в глубокое, ведущее к коме и остановке сердца. Это неизбежно. С него сняли всю одежду. Он лежал голый, как червяк, — разве что красная повязка стягивала сзади его дреды, — а плечи, спина и бедра оказались прямо на льду. Температура упала намного ниже нуля, и сейчас около минус пятнадцати.

Прошу-у-у вас, прошу-у-у вас, прошу-у-у...

Это он произнес? Или простонал призрак?

Он начал терять чувство реальности.

Скверный знак...

Он понемногу погружался в туман, завесу между реальностью и помешательством.

Прелюдия 2

Тот же туман полностью окутывал пейзаж, когда он устремился в горы нынче утром.

Он вошел в это «молоко», никак не желающее рассеиваться. Можно, конечно, никуда не ходить, — но что делать в долине зимой в воскресный утренний час?

И он упрямо шел наверх, подставляя лицо холоду, в туманном полусвете, где ориентирами были только снежная белизна, серый свод неба и острые гребни скал. Потом там, где начинался лес, туман начал понемногу расползаться. Сквозь полупрозрачную пелену стали проглядывать очертания стражей леса — молодых пихт. Он на миг остановился. Несмотря на холод, пот катился с него крупными каплями. И тут он услышал... Какой-то шум. Внизу что-то треснуло. Хруст сломанной ветки прозвучал, как взрыв петарды. *Похоже, кто-то поднимался в тяжелых ботинках.*

— Эй! Есть тут кто-нибудь?

Никто не отозвался. Может, зверь... Но у какого зверя такой тяжелый шаг? У медведя? Он тысячи часов провел в этих горах, но ни разу не встретил косолапого.

Выйдя из лесу, он направился к крутому склону. Маршрут был не слишком трудным. Летом туристы добирались до озера часа за три, но зимой на тропе никого не было, и это одиночество ему нравилось.

Выше по склону, там, где становилось все холоднее, последние крючковатые сосны намного превосходили

силой своих сородичей. Деревья как люди: среди них тоже есть и чемпионы, и все остальные. В природе те же неравенство и несправедливость, что и в человеческом обществе. Камель в равенство не верил. Он верил в конфликт, в состязание, в то, что выживает сильнейший. И не догадывался, что жить ему осталось всего четыре часа.

А что бы он сделал, если бы знал? И что сделал бы тогда на его месте любой из нас? Отдал бы распоряжения по поводу дел и имущества? Попросил бы прощения? У кого? И за что? Раскаялся бы в худшем, что совершил? А ведь за всю свою жизнь он натворил столько мерзостей, причем ничуть не колеблясь и без тени раскаяния. Он считал их необходимостью. Такова была его натура, извращенная и жестокая. И тот, другой, прекрасно это почувствовал. Сразу понял, с кем имеет дело, едва увидел.

Туман стал снова густеть, и он уж было решил, что заблудился, потому что ледник все не показывался. Однако гранитная плита, отмечавшая его нижний край, была там же, где и в прошлые годы. И тут Камель понял: край ледника чуть сместился наверх. Несколько раз подряд были жаркие месяцы лета, да и осени выдавались мягче обычного, вот ледник и отступил. Что предвещало ему гибель: лет через двадцать-тридцать от него ничего не останется. И в городах и деревнях, что стоят на равнине, станет так же жарко и душно, как в Ороне в разгар лета.

Но сейчас он лежал на льду, и холод превращал его щеки в клубки колючек, а лицо — в такую страшную маску, словно роковую ошибку совершил какой-то пластический хирург. Он глубоко вздохнул и на секунду потерял сознание. А когда пришел в себя, дрожь прекратилась.

Это плохо. Значит, температура воздуха понизилась до минус тридцати одного. Тут-то он и увидел склонившийся над ним силуэт.

— Зачем... вы... это... делаете? — простонал он, но словам почти не удавалось прорываться сквозь растрескавшиеся губы.

Он попытался приподнять голову. Не получилось. Лента в волосах заледенела и теперь напоминала корону. И тело тоже покрылось тонким слоем льда, который потрескивал, стоило ему пошевелиться. Ведро с водой сделало свое дело: слой льда быстро затвердевал, и теперь он как будто оказался в скафандре. В твердом, смертельном ледяном скафандре.

Должно быть, воду таскали из проруби неподалеку.

Вдруг его окатило волной жара. Как такое может быть? Он вдруг вспомнил, что это один из признаков *тяжелого переохлаждения*: мышцы, ответственные за сокращение сосудов, перестали работать. И кровь снова хлынула к конечностям.

Пuls замедлился. *Брадикардия*. Падение давления. *Симптомы множились...*

Когда он добрался до убежища — маленькой хижинки на берегу озера, сложенной из камней и сланца, — то решил немного передохнуть здесь и спускаться обратно: для подъема на пик день был явно неподходящий.

Он отпил немного кофе из термоса, облегчил мочевого пузырь и сгрыз маленькую шоколадку. Потом с легким рюкзаком за спиной подошел к распахнутой двери, пропускавшей жесткий северный свет и стонавшей на ледяном ветру. Но едва переступил порог — резкий свист, и дальше ничего... Как раз в эту секунду его окатили ледяной водой из ведра.

Расплата за все, что он совершил, это ясно. Но он никак не мог понять, зачем позвали... *этого*.

— Кто... кто вы? — пролепетал он.

Как и ожидалось, ответа не последовало. Вместо него еще одно ведро воды. И тут он осознал, что кожа рук, бедер и икр прочно приклеилась к озерному льду, буквально вросла в него.

Если бы он мог увидеть себя, то ужаснулся бы — до чего уже напоминает покойника: кожа посинела и пошла белыми пятнами там, где соприкасалась со льдом, зрачки не реагируют на свет. Ветер свистел над гладкой поверхностью озера, мягкие хлопья снега покрыли неподвижные глаза.

Он попытался широко раскрыть их — и в этот краткий миг смог увидеть только *нож*.

Острое лезвие поднесли к животу, и на секунду в нем отразились облака на сером небе.

Ему хотелось закричать, но голосовые связки тоже заледенели. Он ничего не почувствовал, когда нож вонзился в тонкий слой льда и раскроил живот от грудной кости до лобка. Было очень холодно, и он весь онемел. Не чувствовал и того, как чья-то рука раздвигает края раны, а нож разрезает внутренние органы. Только услышал чей-то смех.

Прелюдия 3

В тот же вечер в жандармерии высокогорного района Эгвив раздался телефонный звонок. По словам юной супруги Камеля Эсани, ее двадцатидевятилетний муж не вернулся с воскресной прогулки. Провести ночь в горах он не планировал. Спальный мешок, матрас и спиртовку оставил дома и сменной одежды с собой не брал. *С ним наверняка что-то случилось.*

Голос девушки дрожал от волнения, казалось, она вот-вот расплачется.

Жандармы не стали терять времени. Не прошло и получаса после звонка, а вертолет спасательной службы уже стартовал с просторной лужайки рядом со зданием жандармерии. Лужайка служила полицейским аэродромом. На борту было четыре человека: пилот, механик, врач и спасатель.

Все знали, каким маршрутом ходил Камель. Вопрос был в том, остановится ли он на Черном озере или двинется дальше, до пика. Давно стемнело, что отнюдь не облегчало поиски, и отряд собирался уже их прекратить и возобновить утром. Примерно в час тридцать ночи они пролетали над Черным озером.

В этот час оно поистине соответствовало своему названию: его продолговатую поверхность, гладкую, как зеркало, амфитеатром окружали крутые скалы и освещал огромный прожектор луны.

А прожектор вертолета обшаривал слепящим лучом гладкий лед, пока не наткнулся на явные очертания человеческой фигуры. Несмотря на расстояние — вертолет не мог снизиться из-за окружавших озеро крутых и острых скал, протыкавших темноту, как кинжалы, — все разглядели, что Камель Эсани был *обнажен*, и отряд охватила тревога. Белизна заснеженного льда. Посиневшее распростертое тело. Черная тень. Красная бандана. Но ужаснее всего выглядел его распоротый живот. Все четверо переглянулись.

Посадить вертолет в скальный амфитеатр было невозможно. Но можно было попытаться сесть прямо на лед, зная бы только, что он достаточно прочен. Наконец решили высадить врача и спасателя на широкую площадку возле берега, метрах в двадцати от тела.

— Вы уверены? — крикнул пилот, пытаясь перекричать шум мотора. — Находиться здесь все труднее. Я так считаю, парни, дело может и до завтра подождать.

Врач жестом велел ему снижаться. Пока они со спасателем надевали снаряжение, всех на борту охватило какое-то нездоровое возбуждение: шутка ли, оказаться тут в полной тьме, да еще с мертвецом, лежащим внизу в свете луны. В атмосфере чувствовалась некая театральность. Воздух был пронизан острым ощущением *необычности* и в то же время *опасности*. А из всех возбуждающих снадобий отряд предпочитал адреналин.

Спасатель Ян Фогель первым соскользнул в пустоту. За ним доктор Лоридан в красной куртке, белом шлеме и в очках. Он раскачивался на узкой лесенке вертолета под порывами ледяного ветра, как легкий груз или как паук на конце паутины, он висел над самым центром каменного круга. Достигнув скал, они внимательно осмотрели лед. На вид он казался достаточно крепким, но кто его знает... Решили обойти озеро, добраться до хижины и уже оттуда идти к распростертому телу, то есть пройти тем же маршрутом, что и бедняга Эсани.

На озеро он пришел один или с ним кто-то был? Эта мысль сразу промелькнула в голове врача: не сам же Камель Эсани сделал себе *харакири*, как поступали в древности японские самураи?.. *Наверное, кто-то другой?*

При этой мысли доктор содрогнулся, и холод здесь был ни при чем.

Они пошли по ледяной площадке, не сводя глаз с распростертого внизу тела. Если несчастный Камель Эсани еще жив, его надо как можно скорее интубировать, наладить вентиляцию легких, ввести лекарства, а потом уже поднимать. Может быть, сделать непрямой массаж сердца. В этой команде, в отличие от других, был лишь один доктор, и рассчитывать он мог только на себя.

Все ближе к телу...

В молочно-белом свете луны оно отбрасывало длинную тень, и та ложилась на лед, как на сцену мюзик-холла. *На уровне живота была какая-то странность...*

Он не только был разрезан надвое огромной глубокой раной, которая была видна издалека, а был круглым, раздутым, как бурдюк... *или как живот беременной.*

— Твою мать! — вскрикнул Фогель.

Они в десять прыжков подскочили к трупу.

Это был далеко не первый мертвец, которого им довелось видеть. Они насмотрелись и на сорвавшихся альпинистов, и на лыжников, потерявших трассу и засыпанных лавиной. Попадались и получившие черепно-мозговые травмы при камнепадах, и замерзшие, чья кожа хрустела под пальцами, когда их спускали вниз. Не говоря уже о погибших спасателях, — этой страшной дани, заплаченной за людскую глупость, эгоизм и безответственность. Но такой странной и такой жуткой смерти им видеть еще не приходилось. Этого они никогда не забудут. Голое синеватое тело, вмерзшее в